

Читайте в серии:

Оксана Даровская

«Москва. Квартирная симфония»

Ирина Лейк

«История Аптекаря, райских птиц и бронзовой головы слона»

Алекс Тарн

«Четыре овцы у ручья»

Екатерина Златорунская

«Осенняя охота»

Яков Шехтер

«Водолаз Его Величества»

АЛЕКС ТАРН

ЧЕТЫРЕ ОВЦЫ
У РУЧЬЯ

АЗБУКА
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Т21

Разработка серийного оформления и дизайн обложки
Юлии Стоцкой

Издание подготовлено при участии
Литературного агентства «Флоберיום»

Тарн А.

Т21 Четыре овцы у ручья : роман / Алекс Тарн. — М. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 384 с. — (Имена. Российская проза).
ISBN 978-5-389-24997-4

Увлекательный саспенс и интереснейшие философские размышления, эпический размах и пристальное внимание к судьбе каждого героя, живые, остроумные диалоги и неповторимая авторская интонация — все это вы найдете в романе Алекса Тарна «Четыре овцы у ручья».

Джамиль Шхаде, один из главарей ХАМАС, умен, коварен и безжалостен. Кэптэн Клайв, офицер Шерута, не уступает ему в уме и проникательности. Он идет за Джамилем шаг в шаг, найти и обезвредить его — дело чести. Но у Клайва есть слабое место — Лейла, сестра Джамили. Брат использует ее как «живую бомбу» и подсылает к врагу. Но все идет не по плану: вмешивается любовь. А она, как известно, не берет в расчет геополитику.

Это могла бы быть история Бонни и Клайда. Или — более романтично — Ромео и Джульетты. Но стала историей Клайва и Лейлы, не похожей ни на какую другую.

Но для тех, кто знает притчу о четырех овцах, в финале этой истории нет ничего неожиданного — напиться из ручья и уцелеть смогла лишь та овца, что помнила об осторожности. А всем известно, что как раз это — самое сложное.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Тарн А., 2024
© Оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2024
Издательство АЗБУКА®

1

— Рабби... рабби...

Я делаю вид, что не слышу, ведь только-только удалось согреться и почувствовать тепло в ногах. Мне не хочется шевелиться, чтобы не упустить долгожданное ощущение уюта, которое, как дикая уличная кошка, постоянно норовит выскользнуть наружу — в каменный холод иерусалимской зимы. Когда строишь кокон из дюжины дырявых байковых одеял, то, сколько ни подтыкай-подтягивай, неизбежно остаются щели. В них-то уют и выскакивает. Уют выскакивает, кашель возвращается.

— Рабби... рабби...

Судя по голосу, это Меир, называющий себя моим учеником. Теперь ученик еще и постукивает по стене, чему я его точно не учил. С этой целью Меир самостоятельно отыскал и положил возле ниши небольшой, но очень звонкий камень величиной с кулак. Каждый раз, выходя наружу, я борюсь с искушением отфутболить эту чертову стучалку куда подальше — борюсь и побеждаю, как обычно.

У меня хорошо получается бороться с собой. Думаю, я один из лучших в мире мастеров этого вида боевых единоборств — не ниже черного пояса. Точнее, серого — по цвету опоясывающих меня байковых одеял. А в случае с камнем Меира мне даже не приходится особенно напрягаться для победы. Во-первых, жаль человека: не найдя своего инструмента, бедняга будет стучать в стену костяшками пальцев и непременно поранится в кровь. Во-вторых, через день-другой он все равно принесет новый каменный кулак взамен отфутболенного. И в-третьих, мой самозванный ученик так или иначе продолжит надоедать мне — с камнем или без камня.

Тук-тук. Тук-тук.

— Войди! — сдаюсь я.

Меир, как всегда, входит в три приема. Сперва отодвигает край тяжелой прорезиненной шторы, которая отгораживает нишу от улицы, и с полминуты почтительно смотрит в щелку. На следующем этапе он просовывает в щель голову и крутит ею туда-сюда, как будто проверяя, все ли в порядке. Не вознесся ли я на небеса? Не появилось ли здесь за время его отсутствия еще одного мастера боевых единоборств? Не увеличилась ли ниша каким-нибудь волшебным образом? Убедившись, что ответы на эти и подобные им вопросы одинаково отрицательны, Меир наконец просачивается в крошечное пространство, свободное от магазинной тележки с вещами, стопок книг, листов гофрированного картона и толстого кокона дырявых байковых одеял с человеческой начинкой-личинкой внутри. Таковы моя роль и мое назначение: личинка. Я — всего лишь

Четыре овцы у ручья

личинка, хотя Меир зовет меня великим рабби-чудотворцем и твердо намерен убедить в этом весь остальной мир. Минуту-другую он стоит неподвижно, поблескивая глазами в скудном свете масляной лампы.

— Как себя чувствует великий рабби? — спрашивает Меир, ощупывая заботливым взглядом мое лицо, вернее оставленную на съедение холоду узенькую полоску между байковым коконом и старой солдатской шапкой-ушанкой. Все в этом мире нуждается в питании — даже холод.

— До твоего прихода все было хорошо, — отвечаю я. — А что будет дальше, одному Богу известно.

Меир страдальчески кривит лицо. Он искренне полагает, что действительно станет учеником, если будет вести себя со мной как испуганный школьник с учителем. Сколько их было таких — не сосчитать. Человеческая память хранит лишь немногие имена: Элазар, Хаим, Натан... а теперь вот Меир. Как и его предшественники, он непрерывно строчит что-то в своей тетрадке с нескрываемым намерением издать потом книгу божественных откровений «великого рабби». Потом — это после моей смерти, когда уже некому будет возмутиться и опровергнуть написанную там чушь. К сожалению, ждать ему осталось недолго. Мне уже тридцать восемь, а личинки этого вида, как правило, не дотягивают до тридцати девяти.

Меир покаянно шмыгает носом.

— Я бы никогда не осмелился нарушить покой великого рабби, но тут особенный случай... — скороговоркой произносит он и продолжает после

секундной паузы: — Спасение жизни! Даже двух: роженицы и ребенка!

— Твоя жена снова рожает?

— Нет-нет! — восклицает ученик. — Моя Двора, слава Создателю и великому рабби-чудотворцу, благополучно разрешилась от бремени полгода назад. Речь не обо мне, а о другом человеке. Он ждет снаружи и молит Всевышнего, чтобы великий рабби согласился принять его прямо сейчас. Дело не терпит отлагательств.

Я с трудом перебарываю вспышку гнева: справиться с таким противником нелегко даже обладателю серого пояса.

— Сколько раз тебе повторять: перестань водить ко мне просителей! Я не могу им помочь. Я не чудо-врачеватель и не специалист по бесплодию. Я личинка, слышишь? Личинка!

Меир часто-часто кивает, явно пропуская мои слова мимо ушей. Парадоксальным образом, чем чаще я говорю о своей ничтожности, тем сильнее он убеждается в моем величии. К сожалению, этот парадокс работает только в одном направлении: если я, напротив, стану утверждать свою беспрецедентную гениальность, мой так называемый ученик придет в еще больший восторг поклонения. Лучше не говорить вообще ничего, и я умолкаю. Впрочем, из усмирленного гнева тоже можно извлечь кое-какую пользу: как и всякая вспышка, он генерирует тепловую энергию, так что я окончательно согреваюсь в своем коконе.

— Да простит меня великий рабби, но я решил, что это особенный случай, — с унылой непреклон-

Четыре овцы у ручья

ностью мямлит Меир. — Человек в полном отчаянии. Жена никак не может родить вот уже третьи сутки. Муки ужасные. Врачи — полные дураки. Он уже все перепробовал, звал разных докторов-профессоров, ничего не выходит. И вот кто-то посоветовал ему обратиться к великому рабби. Кто-то, кому великий рабби когда-то помог...

— Никому рабби не помогал! — рывкаю я. — И никакой он не великий! И не рабби вообще! Оставьте меня... его... меня... Оставьте меня в покое!

Пока я путаюсь в местоимениях, Меир часто-часто кивает в знак заведомо непреклонного согласия с каждым моим словом, но при этом не намерен сдвинуться ни на миллиметр.

— Да простит меня великий рабби, — продолжает он, зачем-то перейдя на шепот, — но этот несчастный не из тех, кто ходит к каббалистам и ездит на святые могилы. Он из образованных и, по-моему, вообще не носит кипы, прости господи... Если уж такой человек решается припасть к ногам великого рабби, то, значит, совсем припекло. Может ли великий рабби прогнать человека в подобном несчастье?

И я снова сдаюсь: просто не могу вынести такое количество обрушившихся на меня «великих рабби», не говоря уже о том, что очень неловко перед отчаявшимся человеком, который покорно ждет под дождем.

— Хорошо, зови. Или нет, подожди. Не зови, просто отодвинь занавеску. У него ведь есть зонтик? Пусть остается снаружи.

— Откуда великий рабби знает про зонтик? — восторженно шепчет Меир. — Хотя чему я удивляюсь...

Мне остается только вздохнуть: сам того не желая, я подарил восторженному «ученику» еще одно доказательство своей чудотворной прозорливости. И пусть нет ничего сверхъестественного в предположении, что в дождливую погоду люди пользуются зонтом, — Меира вовсе не волнуют соображения элементарной логики. Вернувшись домой, он достанет заветный блокнот и опишет этот случай своими словами, подключив к делу еще и буйное воображение. Дождь в его пересказе превратится в морскую бурю, иерусалимская улица — в гибнущий корабль, а скромный зонтик — в спасительную лодку, посланную великим рабби-чудотворцем на помощь тонущему бедняге. Но что я могу с этим поделать? Ничего. Ровным счетом ничего, разве что вздохнуть.

Итак, я вздыхаю и сдвигаю с подбородка верхний край кокона, потому что меня уже бросает в жар от всей этой дурной и бессмысленной суеты. Или, что вернее, от болезни, убивающей таких личинок, как я. Личинка и личина — эти два слова почти не отличаются друг от друга. Если надо поддержать впавшего в отчаяние человека, даже личинке не грех натянуть на себя личину «великого рабби». Что я и делаю, но Меир по-прежнему мнетя, жметя и не двигается с места.

— В чем дело, Меир? Я сказал тебе отодвинуть штору.

— Великий рабби помнит, что снаружи льет как из ведра? Дождь попадет сюда, замочит вещи, книги, одеяла...

Четыре овцы у ручья

Вещи, книги, одеяла... Что за ерунда... Вещи высохнут, одеялам не помешает стирка, а книгам уже ничего не страшно. Книги уже умерли однажды от стыда за людей, когда наследники умерших стариков, едва отсидев шиву, выставили эти некогда прилежно хранимые тома на улицу, к мусорным бакам. Выбросили, чтобы освободить место на полках для бессмысленных сувениров своего бессмысленного шатания по модным туристическим тропам. Для древесной маски из Африки и гипсовой маски из Венеции. Для стеклянных шаров с аляповатыми моделями Китайской стены и мексиканского зиккурата. Для расчески Поттера и парика Элвиса. Для синайской дарбуки, индийского барабана, индонезийского калемаса и прочего бесполезного мусора, унижающего человеческий глаз. А книги... книги отправились на помойку ввиду полной ненадобности.

Там, возле баков, я и подбираю эти бумажные трупы — стопками, сколько могу унести, вернее, увезти в своей тележке, которая напоминает в такие моменты похоронную телегу в разгар чумы. Я не тешу мертвецов иллюзией возрождения, так что вряд ли их теперь испугают брызги дождевой воды, тем более что многие тут уже прошли через ливень-другой. Напротив: униженные позором радуются потопу. Нет-нет, обитатели ниши не боятся дождя.

Но есть и другие причины, по которым я прошу отодвинуть штору. В тусклом свете лампы не видно лица, а мне хочется получше разглядеть своего просвещенного современника, который настолько отчаялся, что пришел за помощью к бомжу,

да еще и не просто к бомжу, а к бомжу-чудотворцу. Кроме того, внутри не слишком хорошо пахнет: бомжи редко моются. Стыдливость — одна из немногих человеческих слабостей, которую личинке так и не удалось задуть серым мастерским поясом.

— Меир, сейчас же отодвинь шторы! — команду я. — Отодвинь шторы или проваливай отсюда вместе со своим протеже!

Сокрушенно покачав головой, Меир берется за нижний угол занавески и задирает его. Поскольку закрепить занавеску в таком положении нечем, он вынужден остаться в этой неудобной позе, напоминая то ли железнодорожный семафор, то ли стоячую вешалку, то ли безмолвного атланта, поддерживающего небесный свод моего мира. Долго ему так не продержаться, что, безусловно, совпадает с моими интересами.

В открывшемся светлом треугольнике я вижу переулок, уходящий вниз к улице Агриппас, вижу блестящие от дождя бугристые стены, вижу бегущие по мостовой струйки воды и тесно припаркованные у противоположного тротуара горбатые автомобили. Меир, как обычно, преувеличил: льет не так уж сильно, совсем не как из ведра. Во время среднего иерусалимского ливня эта улочка превращается в горный ручей, а уж когда в небесном Иерусалиме прорывает трубу, поток и вовсе поднимается выше тротуара, затопляя эту нишу, листы гофрированного картона, книги и кокон. Но это случается не так часто, не каждый год. Скорее всего, я умру раньше, чем на город снова налетит по-настоящему большая буря.

Четыре овцы у ручья

Мне неприятно думать об этом, глядя на скромные, не по-иерусалимски умеренные ручейки. Неужели личинке не суждено хотя бы еще разок порадоваться оглушительной сшибке беременных грозой облаков, ветвистой молнии на полнеба, хлещущим водопадам переулков и полноводным рекам улиц?

Я поднимаю глаза от мостовой и утыкаюсь взглядом в человека с зонтом. Он невелик ростом — чуть ниже среднего — и хорошо одет: крепкие ботинки на толстой подошве, модные джинсы, модная куртка, модные очки. К светлым прямым волосам прищиплена черная кипа — из тех, какие раздают гостям на богатых свадьбах. Кипа торчит неуместным горбом, как седло на собаке, и, видимо, вынута из автомобильного бардачка, где лежала вместе с другим случайным хламом, специально по случаю визита к «великому рабби». Типичный инженер или программист из хайтека — успешный, много зарабатывающий, просиживающий по десять-двенадцать часов в сутки за монитором и еще по полтора-два часа в автомобильных пробках. Работа, тренировочный зал три раза в неделю, утренняя пробежка, вечерний телевизор, на выходных — велосипед, барбекю с армейскими приятелями и клуб с оглушительной музыкой.

На вид гостю лет тридцать пять, он немногим младше меня, но выглядит совершеннейшим младенцем. Что неудивительно: при таком режиме человеку некогда притормозить, чтобы подумать. Просто подумать — о чем угодно, необязательно о смысле безостановочной беготни, которая заглатывает его, как питон теленка. Разница лишь в том,

что заглатываемый теленок знает о своей участи, а этот несчастный ошибочно полагает, что жизнь удалась. Так он полагает — притом что на самом деле челюсти уже сомкнулись над его головой, и, скованный железными мышцами повседневности, он совершает бесчувственное движение по змеиному пищеводу в направлении змеиного заднего прохода, откуда лет через сорок-пятьдесят выпадут ботинки, очки, одежда и прочие несъедобные приложения.

Странно ли, что при столкновении с реальностью этот на четверть переваренный бедняга понятия не имеет, как поступить, к кому бежать, какие молитвы повторять? Я вижу его насквозь: чтобы понимать телят, не требуется быть «великим рабби», достаточно выплюнуть жвачку, поднять голову от травы и годик-другой понаблюдать за стадом и за самим собой. Растерянность в глазах гостя сменяется страхом, и он опускает взгляд.

— Не бойтесь, — говорю я. — Обещаю, что не скажу вам всей правды. Что случилось?

Он сглатывает слюну, на мгновение забывает держать зонтик против ветра, и тот радостно выворачивает спицы наизнанку, коленками назад. Какое-то время человек борется с этим рвущимся из рук гигантским многосуставным кузнечиком, потом комкает зонт как попало и тут же хватается за голову, обнаружив, что свадебная кипа слетела и безвозвратно уплыла в сторону улицы Агриппас.

— Извините, — в отчаянии произносит он. — Я даже не знаю, что я... не знаю, зачем...

Я ободряюще улыбаюсь.

Четыре овцы у ручья

— Это заметно. Меир сказал, что у вашей жены трудные роды...

Гость с готовностью кивает, наклоняя для верности не только голову, но и всю верхнюю часть туловища.

— Да! Очень. Врачи ничего не объясняют. Я уже не уверен, понимают ли они что-нибудь. Если вы можете помочь, я буду очень вам благодарен. Очень... — он бросает быстрый взгляд на Меира.

Меня передергивает. Неужели этот сукин сын — ученик — по-прежнему выманивает у просителей деньги? Если так, то он у меня дождется... Но это потом, пока нужно успокоить отчаявшегося теленка. Я выпрастываю из кокона руку, стаскиваю с головы шапку, с полминуты пристально вглядываюсь в нее, затем поднимаю взгляд:

— Послушайте меня. Все будет в порядке. Я вижу это так же ясно, как вас. Все, можете идти.

— Все? — недоверчиво повторяет он.

— Все, — твердо отвечаю я.

Конечно, то же самое я мог бы сказать ему и без разглядывания шапки, но с шапкой слова выглядят намного убедительней. Телята верят в сверхъестественные чудеса, но сверхъестественность в их понимании неполна без колдовских жезлов, ковров-самолетов, чудесных зеркал, старых книг и прочих обыкновенных вещей, притворяющихся волшебными. По-хорошему, сейчас нужно было бы взять какой-нибудь растрепанный том и сделать вид, будто вычитываешь ответ оттуда, но мне ужасно не хочется вылезать из-под одеял. Тем более что шапка, как показывает опыт, работает ничуть не хуже прочих вуду-предметов.

— А как же... — начинает гость и вдруг принимается судорожно шарить по карманам.

Теперь и я слышу дребезжание мобильного. Человек смотрит по сторонам в поисках места, где можно было бы укрыть телефон от дождя, и за неимением иного варианта просовывает голову в нишу.

— Да! — кричит он в трубку. — Мама?! Да! Ну, говори же!.. Что? Что? Скажи еще раз...

Потом он опускает руку с мобильником, не замечая воды, стекающей по рукаву на экранчик дорогого айфона. Он смотрит на меня взглядом, в котором мешаются благодарная радость и нарастающее восхищение.

— Что? — спрашиваю я. — Родила?

Теленок кивает, не в состоянии вымолвить ни слова.

— Ну и слава Богу. Теперь беги к ней. Что ты стоишь? Беги!

Гость еще раз кивает и, подхватившись, пускается бегом вниз по переулку. Меир опускает штору. Он молчит, но в этом молчании громы и молнии. Сегодня ему будет о чем написать в блокноте. Ну как же: волшебная шапка, впитавшая мысли великого рабби-чудотворца, — о таком сюжете можно только мечтать! Боже, как это надоело... Если бы в мире и впрямь существовали волшебные шапки, я попросил бы прежде всего шапку-невидимку.

— Меир, что он там говорил о благодарности?

Мой самозванный ученик откашливается, прочищая горло, перехваченное судорогой восторга.

— Великому рабби... — пискливо начинает он, откашливается еще раз и продолжает уже более-

менее обычным своим голосом: — Великому рабби пришлась бы очень кстати теплая одежда и новая обувь. Известно, что даже святой цадик Зуся Аннопольский принимал...

— Молчать! — перебиваю его я. — Молчать! Слушай внимательно, Меир, слушай и запоминай каждое слово. Если ты в благодарность за мою помощь осмелишься хотя бы один разок взять у кого-нибудь из просителей хоть что-нибудь, будь то самая мелкая медная монетка, или самая дешевая вещичка, или что-либо еще помимо простого «спасибо», я немедленно прогоню тебя прочь, навсегда. Запомнил? Запомнил?

— Запомнил... — глухо повторяет Меир.

— Иди.

Он благоговейно кланяется, выскальзывает за штору, и я остаюсь наедине с душой — с бабочкой, которая вот-вот выпорхнет из личинки. Но перед этим она еще успеет научить меня новому знанию, которое осветит прошлое, приоткроет будущее и порадует глаз неизбывной красотой Творения. В этом знании нет так называемой практической пользы, то есть информации о местонахождении пастбищ и качестве тамошней травы, зато есть пронзительное счастье постижения мира — счастье, о существовании которого многие телята даже не подозревают. За свою недлинную бестолковую жизнь я потерял годы драгоценного времени, растратил его попусту, бездумно и безоглядно, и теперь приходится дорожить каждой минуткой. Поэтому я здесь, в этом коконе, максимально свободный от лишних вещей, лишних обязательств, лишних забот

и лишних людей, наедине с нею. Нас всего двое в нише: только я и она — душа, которую я и рад бы назвать своей, но не могу, поскольку она принадлежит очень и очень многим.

2

Когда ребенок рождается, ему ни капельки не скучно. Но затем родители суют в младенческий кулачок погремушку и тем отвлекают маленького человечка от диалога с его внутренним собеседником, то есть от главного дела, ради которого он явился на свет. Мы — это то, чему научила нас душа, временно поселившаяся в нашем теле. Ее первые уроки кажутся прекрасными и полезными, но их немедленно заглушает грохот погремушек, треск аляповатых пластмассовых шаров и мельканье разноцветной канители. В итоге младенец за неимением иного выбора принимается следить взглядом за пустой чепухой, подвешенной взрослыми перед его сопливым носом.

Чепуха не учит ничему, но приучает к себе, и душа, пожав плечами, удаляется в глухой закоулок — ждать, когда ее в очередной раз выпустят на волю. Она уже повидала множество человеческих личинок и могла бы рассказать уйму всего об устройстве мира, о жизни и даже о смерти, если бы только нашелся заинтересованный слушатель. Однако шарики над колыбелью сменяются куклами и машинками, песчаными замками и велосипедными педалями, тетрадками и футболом, брачными

Четыре овцы у ручья

танцами и мрачными попойками, одуряющей работой и отупляющим телевизором, а кроме того, еще и покупкой новеньких погремушек для свеженьких новорожденных. Время от времени душа, улучив редкий момент, когда ее временному хозяину решительно нечем заняться, робко напоминает о своем присутствии, но теперь это лишь пугает личинку. Теперь личинка, так и оставшаяся невеждой, пустым листом, нетронутым полем, готова на все, лишь бы заглушить звучащий внутри голос.

В этом, собственно говоря, и заключается природа скуки, которая представляет собой не что иное, как панический страх оказаться наедине с одолженной человеку душой. Да-да, скука — это всего лишь страх, страх перед знанием, которое непременно окажется неприятным, ведь, помимо всего прочего, оно содержит в себе еще и рассказ о потерянном времени, то есть о близкой смерти, а о смерти смертной личинке смерть как не хочется думать. И тогда она кричит во все горло, перекрикивая свой потный унижительный страх: «Мне скучно! О, как мне скуу-у-учно! Я просто умираю со скуки! Принесите же поскорей новую погремушку, бутылку, таблетку, женщину, поездку, вещь — и желательно подороже!..»

В детстве я боролся со скукой при помощи компьютерных игр — тогда они только появились. Нет ничего проще, чем самозабвенно убивать недели и месяцы в погоне за экранным монстром, в поедании экранных кроликов или в стрельбе по экранным летающим тарелкам. По чьей-то дьявольской иронии успех оценивался там в дополнительных «жизнях». Зарабатывая десятки и сотни игровых

«жизней», ты теряешь одну-единственную — свою. Просыпаешься утром, включаешь игралку и — вперед, до самого вечера. Часы пролетали со скоростью минут — даже в школе, если на задней парте и незаметно.

Угнетало одно: игры тех лет были довольно примитивными. Я быстро достигал максимального мастерства и тогда обнаруживал, что дальше уже действую автоматически, рефлекторно. Погремушка переставала греметь, и в моей освободившейся голове, голове юной личинки, тут же начинали звучать непрощенные мысли и голос души, которая никогда не утрачивает надежду на то, что ее наконец удостоят вниманием. Иначе говоря, мне становилось скучно.

Мои тогдашние приятели принадлежали к тому же кругу «геймеров»; мы были нужны друг другу исключительно для обмена игралками и для сопутствующей похвальбы о пройденных «уровнях» и заработанных «жизнях». Именами и прочими приметами реальной, то есть не «заработанной», жизни мы не пользовались в принципе, а наши прозвища соответствовали виртуальному миру: Пакмэн, Тетрис, Утопия, Снэйк... Меня звали Клайвом в честь сэра Клайва Синклера. Самым продвинутым геймером был Темпест — старший брат моего одноклассника, единственный студент в компании школьников. Когда я пожаловался ему на скуку, Темпест рассмеялся.

— Чего же ты ждешь? — сказал он. — Если тебе наскучили стрелялки для новичков и дебилов, усложни программу или напиши свою.

— А можно? — изумился я.

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Тарн Алекс

ЧЕТЫРЕ ОВЦЫ У РУЧЬЯ

Ответственный редактор *Ю. Раутборт*
Литературный редактор *Т. Тимакова*
Технический редактор *Л. Синицына*
Корректоры *Е. Кулыгина, Е. Соболева*
Верстка *В. Брызгаловой*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылады 08.05.2024.

Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Гарнитура «Spectral».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 3000 экз. Т-РРП-33984-01-Р. Заказ №

Изготовитель: Өндіруші:

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» – обладатель товарного знака Азбука 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ – Азбука тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А. Тел.: (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус» «Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А. Тел.: (812) 327-04-55. Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

